

УДК 94 (571.1): 332.021.8

М.В. Шиловский**А БЫЛА ЛИ СТОЛЫПИНСКАЯ РЕФОРМА В СИБИРИ?**

Ставится вопрос о пересмотре сложившегося за последние 20 лет стереотипа, квалифицирующего преобразования П.А. Столыпина в аграрной сфере России и Сибири как комплексную реформу, давшую мощный импульс аграрному освоению Азиатской России в начале XX в.

Ключевые слова: Столыпинская аграрная реформа, переселения, община, Сибирь.

Примерно четверть века вокруг личности и сделанного П.А. Столыпиным наблюдается шквал восхвалений. Его вспоминают и постоянно цитируют высшие должностные лица государства. Действительно, Петр Аркадьевич выгодно выделялся на фоне тусклой правящей элиты Российской империи начала XX в. В то же время он очень современен манерой общения, популизмом, стремлением раз и навсегда решить аграрный вопрос. Он умел вести диалог и хлесткой фразой реагировать на заявления оппонентов, активно использовал прессу для создания соответствующего имиджа, собственного и правительства. По мнению одного из его сотрудников С.Е. Крыжановского, «Петр Аркадьевич Столыпин был в нашей государственной жизни явлением новым. Он первый сумел найти опору не только в силе власти, но и в мнении страны, увидевшей в нем устроителя жизни и защитника от смуты. В лице его впервые представал пред обществом вместо привычного типа министра-бюрократа, плывущего по течению в погоне за собственным благополучием, каким их рисовала молва, новый героический образ вождя,двигающего жизнь и увлекающего за собой» [1. С. 170]

XX век для России – эпоха своеобразного конкурса обещаний, и начал ее «Бисмарк из Саратова», испросивший 20 лет, дабы сделать всех счастливыми, а страну великой. Его эстафету приняли В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев. Наконец, впервые в отечественной истории масштабная реформа ассоциировалась не с монархом, а с его министром. Помимо всего прочего, данное обстоятельство свидетельствовало о падении престижа самодержавия. Если политический истеблишмент однозначно оценивает П.А. Столыпина и сделанное им, то среди историков подобного единодушия нет. Даже положительные оценки сопровождаются существенными оговорками [2. С. 64]. Пожалуй, только организация массового крестьянского переселения в Сибирь не подвергается критике.

А теперь попытаемся определить специфические черты аграрной реформы П.А. Столыпина. Прежде всего у него было немало предшественников. За ослабление и ликвидацию общины, передачу земли в собственность крестьян, создание хуторских хозяйств, активизацию крестьянских переселений выступали П.А. Валуев, Н.Х. Бунге, В.И. Гурко, С. Ю. Витте. Причем все они отставали эволюционное «выдавливание» общины и уравниловки. Более того, П.А. Столыпин в роли реформатора оказался случайно, поскольку под мощным натиском Первой русской революции Николай II 3 ноября 1905 г. подписывает указ о прекращении взимания выкупных платежей с 1 января 1907 г. за надельные земли. Следуя букве Манифеста от 19 февраля 1861 г., это означало превращение надельной земли в частную собственность крестьян. И Указ от 9 ноября 1906 г. только регламентировал процесс вступления их в права собственника путем выделения надела из общинного землевладения, допуская образование хуторского или отрубного хозяйства. Говорить в данном случае о реформе можно с большой на-тяжкой, это было продолжение процесса, начатого еще в 1861 г.

Что действительно исходило лично от П.А. Столыпина и составляло одну из основ реформы – это ставка на ускоренное и насилиственное разрушение общины и размежевание мужиков на основе законов от 14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г. Его авторство здесь несомненно. По подсчетам С.М. Дубровского, лишь 26,6% вышедших из общины получили согласие схода, тогда как 73,4% «укрепляли» землю за собой вопреки воле односельчан [3. С. 10]. В связи с этим несостоительна позиция отдельных исследователей о том, что реформатору не хватило времени. Несмотря на жесткий административный нажим, наибольшее количество выходов (508,3 тыс. и 579,4 тыс.) падает соответственно на 1908 и 1909 гг. Далее идет резкое снижение (97,9 тыс. в 1914 г.) [2. С. 65].

Вышли из общины, причем добровольно, крепкие хозяева. Но новоявленные хуторяне стали объектом ненависти со стороны бывших односельчан. Несостойтельны в связи с этим отдельные утверждения о том, что в случае успеха столыпинская аграрная реформа формировалась бы в стране чистого фермера, с одной стороны, и чистого пролетариата, с другой. Реально на одном полюсе оседал кулак с рутинно-азиатскими приемами ведения сельского хозяйства и эксплуатацией односельчан. К тому же создаваемое на основе Указа от 9 ноября 1906 г. подворно-участковое, хоторское и отрубное землевладение не было частным. Запрещалась продажа крестьянской земли лицам, не принадлежащим к крестьянскому сословию и концентрация в одних руках более шести душевых наделов. Антиподом кулаку выступал батрак с наделом. И самое главное – реформа не ставила задачу формирования слоя самостоятельных, грамотных, политически активных индивидов.

На дореволюционную Сибирь упомянутый выше закон не распространялся, поскольку собственником земли здесь являлось государство и Кабинет его императорского величества (КИВ). Крестьяне выступали в качестве постоянных пользователей земельных наделов, закрепленных за ними «раз и навсегда» на основе используемого в российской правовой системе принципа «отдельного от собственности владения». Поэтому для региона важное значение имели другие элементы реформы – переселение и землеустройство. При этом массовое переселение воспринимается в правительственные сферах и обществе как сознательное, целенаправленное конструирование империи, как национальный проект. Массовое переселение за Урал началось еще в 1880-е гг. В 1885–1905 гг. число проследовавших в Сибирь составило 1,5 млн чел. (в среднем по 7 тыс. в год). В 1906–1910 гг. число мигрантов, с вычетом вернувшихся, составило 2,5 млн (по 600 тыс. в год) [4. С. 36]. Казалось бы, явный успех в рамках Столыпинской аграрной реформы, но в 1910 г. происходит обвальное падение числа переселившихся в Сибирь (с 619,3 тыс. в 1909 г. до 316,1 тыс.) при резком увеличении (с 13,3 до 36,3 % соответственно) количества вернувшихся на родину. Негативная тенденция усугубляется в 1911 г., когда из 189,8 тыс. проследовавших в Сибирь переселенцев, 116,3 тыс. (61,3 %) вернулись обратно [5. С. 231].

В этих условиях в августе – сентябре 1910 г. состоялась поездка в Сибирь, прежде всего в Томскую губернию, П.А. Столыпина, начальника Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) Министерства земледелия и государ-

ственных имуществ А.В. Кривошеина и начальника Переселенческого управления ГУЗиЗ Г.В. Глинки. По ее итогам Столыпин и Кривошеин составляют аналитическую записку, в которой предполагают продолжить практику стимулирования переселений за Урал. Кардинальное решение аграрного вопроса в Сибири они видели «в скорейшем предоставлении сибирским старожилам, переселенцам и оседлым инородцам прав собственности на отведенные и отводимые им обширные наделы» [6. С. 30]. Помимо крестьянского землевладения, необходимо развивать и поощрять «культурные земледельческие хозяйства», предусмотренные законом от 8 июня 1901 г., а также хутора и отруба. При этом предлагалось сохранить общину в сибирской деревне – в силу ее гибкости, инновационной ориентированности, умения разрешать земельные споры, поскольку в своей деятельности она базируется «на праве захвата трудом (займы)» [6. С. 55–56]. Как видим, П.А. Столыпин не был решительным противником общины, а рассматривал необходимость ее существования, исходя из экономической целесообразности и местных условий.

Для успешного осуществления предложенного курса министры предлагали «отводить наделы старожилам и переселенцам в Сибири не в пользование, а в собственность» и покровительствовать здесь «мелкой единоличной собственности на землю» [6. С. 127]. Нужно было прекратить раздавать «лучшие и худшие земли одинаково даром», а продавать ее переселенцам в районах с лучшими природно-климатическими условиями и почвенными условиями (Алтай, Семиречье). Окончательно в записке на высочайшее имя П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин сформулировали главное: «Принять все требуемые в порядке законодательства меры к возможности распространения на все население Азиатской России узаконений последнего времени, направленных к устраниению вредных сторон общинно-земельных порядков, а для этого распространить действие закона от 14 июня 1910 г.» [7. С. 319–320]. Опираясь на свои впечатления, подкрепленные статистическими выборками и геополитическими соображениями, министры рисовали образ будущей Сибири. Ей «еще много лет предстоит быть страной, добывающей и поставляющей на мировой рынок сырье. Как ни желательно развитие в Сибири обрабатывающей промышленности, но, по-видимому, там еще нет налицо тех главных условий, без которых обрабатывающая промышленность не получит широкого значения: нет крупных и предприимчивых капитолов, подготовленного рабочего класса, достаточ-

ных рынков сбыта». Поэтому необходимо развивать «сельское хозяйство и добывающую промышленность, обеспечив широкий приток туда населения, и не только земледельческого, но и вообще рабочего» [6. С. 114, 115].

Ни одно из предложений министров, сформулированных в 1910 г., не было реализовано. Отсутствие подвижек в этой области обычно объясняется начавшейся Первой мировой войной. Мне представляется, что введение частной земельной собственности в Сибири, в том числе применительно к наделам новоселов, встретило бы мощное противодействие крестьян, особенно на землях КИВ. За 1907–1914 гг. в его Алтайский округ переселилось 774 тыс. чел., или каждый второй отправившийся в Сибирь. Но земли в округе являлись ассоциативно-частной собственностью Романовых. Поэтому за полученные в пользование наделы крестьяне должны были заплатить собственнику 330 млн руб., не считая процентов. К ним необходимо добавить еще примерно 726 тыс. руб. в год (1915), которые Кабинет зарабатывал за счет сдачи земли в аренду, как правило, отрезанной у крестьян в ходе землеустройства [8. С. 862, 875; 9. С. 270]. Едва ли Романовы безвозмездно отказались от всего этого, а алтайские крестьяне согласились бы выкупать свою землю, тем более переселенцы, которые уже прошли через эту грабительскую процедуру в Европейской России в ходе реализации реформы 19 февраля 1861 г.

Аграрные мероприятия П.А. Столыпина не были поддержаны снизу, в том числе и в Сибири, и из-за стремления крестьянства сохранить общину. К тому же правительство своими действиями способствовало этому, поскольку в процессе землеустройства ограничивало наделы сельским обществам. В борьбе с правительенным «землерасстройством» местное крестьянство активно использовало общину и, в известной степени, реанимировало этот институт традиционного общества. Преимущественно славянско-православная колонизация региона сохранила ее. Поэтому В.И. Пронин констатировал: «Итоговые результаты столыпинской аграрной реформы в Сибири, связанные с разверстыванием надельного землевладения на хутора и отруба, свидетельствуют о полном провале замыслов реформаторов. Не только старожилы, но и прибывающие в Сибирь переселенцы из губерний как с общинной надельной, так и подворной формой землевладения предпочитали на новом месте селиться общинами. Причина во многом кроется в том, что сложившиеся в Сибири земельные порядки в связи со свободным пользованием землей не диктовали необходимо-

сти во внутринадельном размежевании земли. Здесь лучшая пахотная земля была давно поделена между домохозяевами, она свободно передавалась от отца к сыну» [10. С. 186]. Верно, на мой взгляд, по этому поводу заметил П.Ф. Никулин: «В начале XX в. рынок не смог разрушить социально-трудовые устои крестьянского хозяйства... Оно сохранило свою целостность и устойчивость, поскольку сохранялась его главная опора – семейная рабочая и крестьянская трудовая (духовная) культура» [11. С. 244].

Поэтому крестьянство Сибири начала XX в. связывало свои надежды на достаток и благополучие с наличием в избытке пригодной для обработки пахотной земли. Крестьянская община продолжала оставаться главной опорой общественных отношений в деревне в качестве своеобразного союза (кооперации) «непосредственных производителей и хозяйственных пользователей земли» [12. С. 114]. Коллективные формы общинной жизни нашли свое воплощение в кооперативных объединениях, бурное развитие которых приходится как раз на рассматриваемый период. Только на Алтае в 1905–1915 гг. организуется 775 кредитных и 803 потребительских кооператива, инициаторами создания которых (76,3%) выступали сами крестьяне [4. С. 67; 13. С. 19].

Массовые переселения и землеустройство способствовали эскалации противостояния между старожилами и аборигенами, с одной стороны, и переселенцами, с другой. Даже там, где мигранты обустраивались самостоятельно, возникало много проблем. Обобщая материалы по трем переселенческим поселениям в северо-западной части Барнаульского уезда, А.А. Храмков установил, что они «свидетельствуют своим примером если не об успехах дореволюционной переселенческой политики, то хотя бы о несомненной пользе переселений в Сибирь для многих крестьян. Они имели здесь больше земли, чем в Европейской России, преодолевая огромные трудности, они успели много сделать в освоении своей местности. Однако сибирская деревня была далека от «процветания», о котором сейчас можно иногда прочитать. В ней имелось немало «горючего» материала, социальной напряженности и недовольства значительной части населения своим положением. Во всех изученных нами селах ядром населения являлась бедняцкая группа хозяйств» [14. С. 80].

Переселения оказали большое воздействие на развитие поселенческой сети Азиатской России. В ходе массовых миграций оформляются основные земледельческие ареалы. Основная часть переселенцев оседала в Томской губернии, а здесь – на

Алтасе. Помимо него, крупными районами сельскохозяйственного производства становятся: юго-запад Тобольской губернии (Курганский и Тюменский уезды), смежные районы Тобольской губернии и Акмолинской области (Тюкалинский, Ишимский, Ялуторовский, Омский, Петропавловский уезды), южная часть Енисейской губернии (Ачинский и Минусинский уезды). Усилия правительства дали определенные результаты. С 1897 по 1911–1915 гг. среднегодовые площади посевов в Сибири увеличились примерно с 2,3 до 7 млн дес., а валовые сборы зерна с 1891–1900 по 1911–1915 гг. возросли с 40,7 до 350 млн пудов. Поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 4534 тыс. в 1891 г. до 7810,1 тыс. голов в 1916 г., свиней с 759,6 до 1841,4 тыс. голов [5. С. 69, 191, 106, 254; 15. С. 7–8].

Таким образом, Столыпинская аграрная реформа в Сибири свелась к форсированию крестьянских переселений из Европейской России и одновременному проведению землеустройства. Несмотря на предложения П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, развитие аграрной сферы региона происходило на основе сохранения государственной и кабинетской собственности на землю и укрепление общин. Быстрый рост численности сельского населения, преобразования в области землепользования старожилов, переселенцев и аборигенов сопровождался не только увеличением масштабов сельскохозяйственного производства, развитием рыночных отношений, но и накоплением разного рода противоречий, открыто проявившихся в период социального катаклизма 1917–1920 гг. Все вышесказанное позволяет квалифицировать деятельность П.А. Столыпина в аграрной сфере России в 1906–1911 гг. не как реформу, тем более упреждающего характера, а как аграрную политику с элементами волонтиаристского реформирования. Подобные действия изначально были

обречены на провал, поскольку для успешного проведения реформы (реформ) необходимы как минимум два компонента – сильная власть и поддержка общества. В начале XX в. они полностью отсутствовали.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воспоминания*: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 1909.
2. Шиловский М.В. А был ли Столыпин реформатором? // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. Омск, 1997.
3. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963.
4. Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917–первой половине 1918 гг. М., 1992.
5. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
6. Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А. В. Кривошеина. СПб., 1910.
7. Вопросы колонизации. 1911. № 8.
8. Государственная Дума. Третий созыв. 1910–1911. Сессия IV. Ч. 2. СПб., 1911.
9. История Алтая: Учеб. пособие. Барнаул, 1995. Ч. 1.
10. Пронин В.И. Землевладение и землепользование сибирских крестьян в начале XX в в контексте аграрной политики царизма в регионе // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001.
11. Никулин П.Ф. Взаимодействие социальных и хозяйственных культур в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2.
12. Чирков А.А. Община и власть на Алтае (1906 – июнь 1918 гг.). Бийск, 2004.
13. Дандалаева М.В., Иванцова Н.Ф. Западносибирская кооперация во время войны и революции (1914 – первая половина 1918 гг.). Бийск, 1999.
14. Храмков А.А. Села Ирбино, Веселовское, Белое Новосибирской области в начале XX в. (по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Моя Сибирь. Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002.
15. Горюшкин Л.М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX веков. Препринт. Новосибирск, 1990.